

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арджуна Куцак

Медсестра. Кабак.

Арджуна Юрьевич Куцак Медсестра. Кабак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44873823

SelfPub; 2019

Аннотация

Мы всегда выбираем. Порой это мучительно больно, а порой это делается с легкостью. Большинство старается сделать правильный выбор, но все же есть и те, кто поддается течению. Многие из них разбиваются о рифы. Содержит нецензурную брань.

Медсестра

«Сапоги натёрли мои ноги.

Медсестра сисястая, помоги»

Солдатская песня

Три обшарпанных этажа. Обшарпанных как временем, так и пациентами. Госпиталь становился домом, даже оазисом, для тех, кто не хотел служить, перевалочным пунктом для безразличных к службе и тюрьмой для добросовестных солдат, каких было не много, а для офицеров, воспринимающих добросовестность как маску, таковых и вовсе не существовало. Кроме солдат в госпитале лежали офицеры и гражданские, но на них никто не обращал внимания. Они были серые, скучные, рутинные пациенты. А вот солдат... Солдат – это всегда загадка.

Госпиталь был павильонного типа, то есть все корпуса были разрознены по территории. Хирургия в одном здании, инфекция в другом, столовая в третьем и так далее. Была даже библиотека, не большая, но вместительная и уютная. Были две крайности посетителей этого храма книги. Одни брали Толстых и Достоевских, а другие искали журналы с обнажённой. Соответственно и две крайности поведения в палатах. Одни читали Толстых и Достоевских, другие занимались добычей алкоголя, наркотиков и шлюх. Первые всегда неммым укором напрягали вторых, а вторые не давали спокойно чи-

тать первым.

Были так же и другие, не менее интересные, группы людей как медперсонал – врачи, медсёстры, санитарки и, пускай туда же, буфетчицы. А так же исключительная каста людей, являющаяся прослойкой – сержанты и ефрейтора контрактники. Они на одном уровне общались как с солдатами, так и с офицерами, от чего не вписывались ни к одним, ни к другим. Поэтому они тоже были серы и неинтересны, как и офицеры. Солдаты же этих контрактников старались использовать по максимуму. Вытягивали из них сигареты, брали мобилы, просили купить что-нибудь в магазине. Хотя о последнем просили реже всего, ведь практически любая медсестра могла купить тебе всё, что угодно, а то, что ей было не угодно, покупалось через таксистов, номер которых знал каждый более менее прошаренный и наглый солдат. Система давно отработана – за хирургическим корпусом была дыра в стене, через которую, вот уже не первое десятилетие передавалась водка, пиво, марихуана, насвай, гашиш, снюс, шпак... Шлюхи же имели обыкновение проходить через КПП. Им просто доплачивали за миньет дежурному, и они беспрепятственно проникали в любой корпус. Но бывали и проблемные дни – когда врачи дежурили в своих отделениях. Тогда солдатам приходилось платить либо за очередной миньет, либо за водку. Шлюхи обижались, когда ими пренебрегали в пользу водки. Солдаты тоже расстраивались, так как водка обходилась дороже.

Но были и вовсе кайфовые отделения для любителей побарагозить: ЛОР, вторая инфекция и первая хирургия. В ЛОРе была медсестра-шалава и вечно пьющий доктор, который не обращал никакого внимания ни на персонал, ни на пациентов. В инфекции была неадекватная, просто конченная санитарка, зато почти все медсёстры за 500 рублей были готовы отдать частичку себя и без проблем доставали бухло, правда с наценкой. Ну а первая хирургия была вообще оплотом разврата. Лежали там со всякими ушибами, растяжениями, гнойниками... В основном, все гасили, и персонал это понимал. Отчего там никого даже не пытались лечить. Единственным минусом, хоть и совсем несущественным для бойцов, было наличие трипперной медсестры. Так что, попадая на хирургию к этой тётке Лене (а ей уже было 37), новички обучались от более опытных солдат в первую очередь правильной контрацепции, а затем ещё и прочитывали все брошюры посвящённые ИППП, которые валялись по всей хирургии.

Однако блядство творилось не только на этих трёх отделениях. На четвёртом месте по разврату находилась пульмонология. Пожалуй, самое таинственное отделение, так как здесь нужно было либо заранее знать, либо догадаться, как правильно это самое блядство организовать. Далеко не все солдаты добивались результаты, даже зная секрет, ведь медсёстры сразу раскалывали фальшь, и тут же мотор разврата затихал. А надо то всего на всего быть наглым и самоуверен-

ным негодяем, чтобы втереться в доверие.

Всё дело в том, что в пульмонологии работал особенный коллектив. В первую очередь стоит отметить пышную Марию Васильевну. Эта сорокалетняя женщина чисто славянской внешности рулила всем на отделении. Всю жизнь она прожила честной давалкой и злостной пьянью, что было сразу заметно по опухшим глазам. Она всегда говорила, что это у неё из-за хронического пиелонефрита, якобы с рождения, которого на самом деле у неё никогда не было. Мария Васильевна как раз и любила наглых и дерзких мальчишек. Она была склонна к садо-мазохизму и с аппетитом шла на мелкие нарушения закона, особенно когда речь шла о воровстве. При всём при этом, она категорически отрицательно относилась к наркотикам. Через неё можно было достать максимум снюс.

Принцессой отделения была скромная и тихая, на первый взгляд, Наташа Королёва. Ей было 35, но выглядела она на 10 лет моложе. Стройная, с объёмной задницей и сочной пухлой нижней губой. Все солдаты, за редким исключением дровичили на неё в душевой. С ней не заигрывали только робкие девственники, и она даже отвечала взаимностью, но старалась держать это под большим секретом. После того, как она с кем-то переспит, тихая и скромная Наташа шла на решительные меры ради сохранения тайны. Она угрожала и запугивала, причём свои угрозы она подтверждала действием: сразу после соития, ну может после небольшого переку-

ра, она хватала самца за горло левой рукой и за яйца правой.

– Если хоть один твой вшивый товарищ хоть что-то узнает, – шептала Наташ своему новоявленному любовнику, сжимая ему яйца мёртвой хваткой пианиста-альпиниста. – Понял? И такая боль будет в каждом уголке твоего немощного тела.

Само собой солдат рассказывал, но скромно и без эпитетов. Так что, обычно, косые взгляды не достигали Наташеньку, но не редки были и исключения, после которых у этих говорливых солдат начинались «приступы головокружения», и они «падали» лицами об углы кроватей, табуреток, тумбочек. Бывали и особые случаи, когда солдаты пытались дать отпор этому внезапному «головокружению». На следующий день такие бойцы отправлялись на гауптвахту.

Была ещё и Света Марлиева. Ближе к сорока и казашка. Дружелюбием не отличалась, но и не предъявляла каких-либо требований. Света постоянно ходила в наушниках и старательно уклонялась от своих обязанностей.

Ещё две старушки, хотя, конечно, они не согласились бы с таким определением, но для солдат все, кто старше 50, воспринимались одинаково старо. Люба и Нина, причём абсолютно неважно кто Люба, а кто Нина. Солдаты часто путали их имена, так как, хоть и выглядели они совсем по-разному, эти медсёстры вели себя одинаково. Они вообще не трогали бойцов и избегали любых разговоров. Просто молча раздавали таблетки и делали уколы, а потом пили чай в сестрин-

ской и разгадывали кроссворды.

Был на отделении и врач – Олег Константинович, но он тоже не проявлял особого внимания пациентам. Только каждый день перед обедом слушал лёгкие каждого пациента, а потом бесследно исчезал, или запирался в своём кабинете, что было равнозначно исчезновению.

Остальные члены госпитальной семьи, пожалуй, не заслуживают пристального внимания, хоть и они играют немаловажную роль в жизнедеятельности всего коллектива. Так, например, Лидия Павловна – грузная буфетчица – стала, так сказать, поставщиком одной из посиделок.

– Вы будете по нам скучать? – спрашивал ефрейтор Кузнецов, сидя ночью в сестринской с товарищами, медсёстрами, стаканами и бутылками. Не считая тары, их было пятеро: Мария Васильевна, Наташа Королёва, этот Кузнецов и два рядовых – Агапкин и Степанов.

– Чего по вам скучать то? – вопросом отвечала Мария Васильевна. – Завтра ещё столько же вашего брата заселится.

– Но ведь это будем уже не мы, – сказал Кузнецов, заискивающе глядя на Наташу Королёву и разливая «Пять Озёр».

– Братец мой, незаменимых... Твою мать! – воскликнула Мария Васильевна, когда водка стала покидать пределы рюмки. – Иди за тряпкой теперь. Пошёл, я сказала! Пьянь сентиментальная.

– Тётя Маша, да ладно вам, – с улыбкой сказал Кузнецов. – Этому полу не привыкать.

– Бегом за тряпкой, – зло, но тихо повторила Мария, слегка замахнувшись.

Кузнецов наигранно убежал, оставив хихикающих товарищей.

– Ишь, как побежал, – сказал Степанов в след товарищу. – Всё-то ему хочется, чтобы его запомнили. Я, например, наоборот. Я сам вас запомню, особенно вас, Мария Васильевна. А уж Наташу ещё особенней... Хотя нет, нет, конечно, Мария Васильевна, вас я до смерти не забуду, – Степанов говорил в сторону Марии, но взгляд и внимание устремлял на Наташу.

– Ну-ну, малой, – отреагировала Мария.

– А где я малой-то? – усмехнулся Степанов.

– Всё там же. Ладно, ждать уже надоело, – и Мария осушила свою рюмку. Остальные переглянулись и последовали её примеру.

– Без меня что ли?! – обиженно воскликнул вернувшийся Кузнецов, вернувшийся с тряпкой.

– Без тебя, без тебя. Ты пока там за смертью бегаешь, нам что, просто так сидеть?

– За какой смертью? Я за тряпкой бегал...

– Ну, так давай тогда, мой, – скомандовала Мария.

– Ваш, – сказал Кузнецов, раскинув руки.

– Что ваш?

– Ваш, Мария Васильевна.

– Мой пол, негодяй!

– И пол ваш, – сдерживая смех, говорил солдат.

– А ну-ка, подойди-ка.

Он подошёл, и Мария указала на пятно «Пяти Озёр» на полу.

– Мой!

– Ваш!

– Дай тряпку.

После этих слов Мария вырвала у него тряпку из рук и стала стегать ею Кузнецова. Так они с хохотом побежали через всё отделение до дальнего туалета, где Кузнецов закрылся и держал дверь за ручку, так как щеколды не была. Мария Васильевна переводила дух перед закрытой дверью.

– Жалкие попытки, Кузнецов. Я тебя вместе с дверью сейчас открою, – сказала Мария.

– Вы меня недооцениваете, у меня железная хватка. Если взялся, уже не отпущу.

– Да ты, когда ведро воды несёшь, надвое переламываешься.

– Так это одной рукой то. Двумя я хоть ванну воды перенесу.

– На словах ты Лев Толстой, а на деле хер лапшой, Кузнецов.

– Я вам докажу! – в порыве пьяной дерзости с пафосом сказал солдат, открыв дверь. – Спорим, я вас сейчас подниму и назад в сестринскую отнесу?

– Ты, что, охуел? Хочешь сказать, я вешу как ванна с во-

дой, паскудышь?

– Нет, вовсе нет. Но так вы на себе почувствуете мою железную хватку.

– Железная да железная. Откуда у тебя, деревянного, железная?

Вместо ответа разгорячённый водкой и ночью солдат схватил медсестру двумя руками там, где у обычных женщин начиналась талия. Но Мария Васильевна была с изюминкой и без талии. Оторвав от пола медсестру, Кузнецов весь сгорбился, а его межпозвоночные диски сплющились, и лишь прямая мужская принципиальность убеждала его не сдаваться. Позвоночник Марии, наоборот, почувствовал благодарное облегчение, а сама Мария рассмеялась от нахлынувшего приступа радости. Ефрейтор упёрся лицом прямоком в её пышную грудь и завалил медсестру ещё больше на себя, чтобы хоть как-то устоять на ногах. После чего с решимостью локомотива побежал в сторону сестринской. Благо ощущение пышной женской груди на лице придавало ему тестостероновой бодрости и сил. Мария смеялась как малое дитя, наглаживая окаменевшие плечи солдатики, испытывая помимо радости и другие, более сладкие чувства. Внезапно Кузнецов всем своим существом почувствовал, как Марию Васильевну бросило в пот, и от неё запахло чем-то вроде кефира. Он не смотрел ей в лицо, но знал, что её губы наполнились кровью, от чего стали маняще-алого цвета. От этих ощущений с Кузнецовым произошло почти то же самое. Мария так же

моментально это почувствовала, и, продолжая наглаживать своего носильщика левой рукой, правой стала расстёгивать халат. Продолжая смеяться, в порыве нахлынувшей страсти она вытащила на свет божий свою увесистую и белую левую грудь, и солдатик, чья кровь давно уже иммигрировала из головного мозга в пенисный, впился в розовый сосок и принялся жадно сосать.

– Соси, Кузечка, – стонала в истоме Мария.

Он уже поставил её на землю и прижал к стене, обоими руками распахивая её одежду.

– Пей меня, Кузя! Пей до дна! Сожми их, выдави всё до последней капли.

Её рука уже намертво схватила за член несчастного ефрейтора, и дальнейшее было неизбежно. И отвратительно.

Тем временем, жизнь в сестринской шла своим чередом. Степанов косыми взглядами и плохими шутками пытался охмурить Наташу, а молчаливый Агапкин ждал своего часа. Он умело пропускал рюмки и сохранил трезвость ума. Вся его скромность была лишь маской холодного расчётливого человека.

– ... так я с наряда прихожу, – продолжала Степанов. – И тут, вот тебе раз – форма «раз». А у меня в карманах две мобилы и зарядка. Разбивать их не хочется. Одну то не жалко – не моя, но за вторую, думаю, надо бороться. А у нас в нателке, Наталья Борисовна, кармашек такой есть прямо на члене. Не знаю, зачем он там, но мой телефон влез, как под

него сшито. На зарядку, думаю, пофиг, на вторую мобилу тоже, так и оставил их в кармане. Так вот, скинул всё шмотьё в кучу, вывернул химзу, берцы вытряс. А дежурный тогда был, его знать надо! – смеялся Степанов. – Стоит и смотрит на меня, на вещи даже не взглянул. Смотрит и ждёт, а я тупого из себя строю. Подходит ближе, говорит: «Ничего не смущает?». Я говорю: «Ничего». «А это что?», спрашивает. «Где?». «В пизде!» – орёт дежурный, – Степанов заливается смехом перед затихшей аудиторией, показывая себе между ног. – Догоняете? Ха-ха!... «Не понимаю, о чём вы» – отвечаю ему. «А о том самом» – говорит дежурный и хватает меня... – Степанов смеётся. – Хватает прямо... – Степанов ржёт. – Прямо за мобилу!... – Степанов сопровождает свой истерический смех брызгами слюны. Немного отдышавшись, он продолжает. – Тут ротный видит эту картину, говорит: «Уткин, ты у него ещё в очке поковыряйся». «Тут у него это». «Представь себе! Без этого в армию не берут...» Но тут до ротного доходит, и он, как кошка к голубю, подходит ко мне. «Доставай» – говорит. «Нечего доставать, товарищ майор». «А это что?!». И он – ротный!... – приступ смеха снова разгорается в Степанове. – Хватает меня... Хватает за мобилу.

По щекам рассказчика текли слёзы, хохот перекашивал его лицо. Насколько весело было Степанову, настолько же скучно было Агапкину. Сразу после этой уморительной истории Агапкин предложил перекур. Нет, он ничего не гово-

рил, слова были лишними, он и Наташа уже давно держали сигареты в руках. Они медленно и почти синхронно встали, и Степанов последовал их примеру, прихватив с собой остатки озёр.

– Давайте в ближнем туалете покурим, – сказала Наташа, когда они вышли из сестринской. Она думал, что Кузнецову и Марии в дальнем туалете требуется время. Но, по правде говоря, Кузнецову хватило и мгновений, чем он разозлил Марию Васильевну.

– Машка то какая бойкая, – улыбалась Наташа Королёва. – Хочу в её возрасте такой же быть. Нет, я вовсе не считаю её старой, я просто не думала, что так можно. Молодчина Машка! – заключила Наташа, ища реакции на лице Агапкина.

– Мария Васильевна – огонь! – тостом произнёс Степанов и отпил из озера. – Но вы, Наташенька... Вы – пламя... – заискивающе произнёс он, прикуривая от зажигалки сигарету, сворованную из тумбочки соседа по палате.

Агапкин прикурил от спички и поднёс колодец из рук с пламенем внутри к лицу Наташи. Она прикурила в стиле восьмиклассницы: держа обеими руками локоны волос и тянувшись головой с сигаретой в зубах к огню. Агапкина это движение тронуло до глубины души, и в нём разгорелось пламя уничтожения. Он был из тех парней, кто моментально клевал на неопытных в чём-либо девушек. Он презирал их за слабости, но вместе с тем и любил. Ему хотелось уничтожить её и создать заново – сильной, идеальной. Агапкин был

ревностным творцом по натуре.

– Спасибо, Серёжа, – как бы невзначай сказала Наташа.

– Воу, воу, воу! – посмеиваясь, произнёс Степанов. – Она знает твоё имя, Агапкин. Что бы это могло значить?

Степанов изобразил детектива, но эту загадку не суждено было решить юному сыщику. Так как после второй затяжки никотин вступил в бурную связь с этанолом и отключил центр управления в теле Степанова. Он начал молотить нечленораздельный вздор и в скором времени покорно отдался руками Агапкина, которые любезно дотащили его до кровати, а затем поставили рядом с ней тазик.

– Хочу быть как Машка, – продолжала Наташа начатые размышления. – Вот как у неё так всё так ловко выходит? Она каждый раз кого-то охмуряет. Хотя, будем честными, она далеко не красавица. Просто в ней есть что-то притягательное. Понимаешь? Тайна в ней есть! Тебе так не кажется?

– Конечно есть, – в голове Агапкина созрел монолог, будоражащий пьяный разум Натальи. – Тайна есть в каждой женщине, Наташа. Вопрос лишь в том, увидит ли это мужчина. Если, например, женщина постоянно, так или иначе, намекает на свою загадочность, или тайну, как вы говорите, то все мужчины это заметят. Но умному мужчине обидно, когда женщина явно намекает, ведь ему самому хочется найти эту загадку, а затем разгадать её, чтобы потешить своё самолюбие. К счастью для Марии Васильевны умных мужчин намного меньше, чем остальных, поэтому она всегда будет на-

расхват. Так как «иные» мужчины всегда будут считать, что они большие молодцы и умники, раз смогли отыскать тайну в таких женщинах как Мария Васильевна. Но есть и другие женщины, которые даже тайну делают тайной, понимаете? Они ведут двойную игру, которая утомляет «иных» мужчин, но зато умных и смелых побуждает принять вызов. Здесь-то и завязывается настоящая война с разведкой, пропагандой, подкупом, шпионажем. Здесь-то и проверяется мощь пехоты, артиллерии, авиации и флота. Уничтожаются города и стираются грани между правдой и ложью. Здесь-то поэты и пишут свои стихи, художники – полотна, музыканты – симфонии. А бесталанным личностям вроде меня ничего не остаётся, как истомно вздыхать и повторять – это любовь, – Агапкин бросил окурок в унитаз и дёрнул слив. – Это любовь.

Королёва была покорена. Она практически ничего не поняла, но сказанное Агапкиным ей показалось очень глубокомысленным и значительным, а тон его голоса пускал ей по коже мурашки. Они вышли из туалета, и Наташа взяла Агапкина под руку.

– Я так понимаю, – сказала она. – Вы себя не причисляете к этим самым «иным» мужчинам. Интересно, к каким женщинам вы бы причислили меня?

Агапкин сделал ещё пару шагов и, остановившись напротив душевой повернулся к Наташе, обнял её за талию и горячим шёпотом ответил:

– К другим.

Они смотрели друг другу в глаза и двигались, словно в танце. Левой рукой он открыл дверь душевой и завёл её внутрь. Прижав Наташу к душевой кабине, Агапкин стал медленно опускать руку с талии. И когда его ладонь полностью обхватила её левую ягодицу, он рывком притянул пьяное и томное тело Наташи и впился ей в губы. Он долго ласкал её, даже слишком, но для этого были свои причины, ведь он прекрасно понимал, что надолго его не хватит. Поцелую в шею, в уши, совместно с петтингом довели Наташу до состояния, когда она уже ни секунды не смогла бы прожить, если Агапкин бы не вошёл в неё на всю длину. Поэтому она буквально сорвала с него штаны вместе с трусами, схватила за член и, повернувшись к нему тылом, собственноручно погрузила конец Агапкина в своё начало.

На счастье солдата, медсестра была обильно увлажнена своими бартолиновыми железами, и он смог выдержать 20-25 поступательных движений. К счастью для Наташи и самолюбия Агапкина, этого хватило, чтобы она смогла кончить. Её тело судорожно дрожало, она пыталась что-то сказать, но ей не хватало воздуха. Такое с ней было впервые, такой мощный оргазм. Она почему-то почувствовала себя девственницей. Причиной тому не были какие-то особые навыки Агапкина в движении тазом, и, конечно же, не его 16 сантиметров женской радости. Просто слова Агапкина, сказанные вовремя и напрямиком в цель, явились лучшей приправой

к сексу. Ведь, услышав их, Королёва сразу поверила, будто у Агапкина имеется не дюжий ум. А женщин всегда возбуждает этот мужской орган из двух букв. Наличие ума так же подтверждалось в Агапкине тем, что сохранил рассудок и, вовремя высунув, кончил Королёвой на её стройные, гладкие икры.

Потом было что-то ещё. Были разговоры ни о чём всю ночь, и снова секс, и снова ласки, пока сон не победил, сначала Наташу, а затем и её рыцаря. Ни Кузнецов, ни Мария Васильевна не возвращались в сестринскую. Ефрейтор давно лёг спать со своим стыдом, а Мария, напоследок откушав в буфете остатков от ужина, завалилась спать в зоне рекреации.

Наташа Королёва только утром, вспомнив весёлую ночь, осознала, что произошло и как ей к этому следует отнестись. На часах было 6:38, когда на шее Агапкина появилась худая, жилистая кисть Наташи. За яйца она хватать не стала, то ли пожалела, то ли решила, что до него и так дойдёт. Агапкин проснулся только на втором десятке килограммов усилия на своём горле.

– Не дай бог, – услышал Агапкин нежный, но злой голос Наташи. – Об этом узнает кто-то из твоих вшивых товарищей. Ты меня понял?

Агапкин, чувствуя нехватку воздуха и безумство Королёвой, с усилием оттолкнул её от себя и встал с дивана. Наташа ждала ответа от своего голого обольстителя, но его не по-

следовало. Солдат стал молча одеваться, даже не взглянув в сторону медсестры, что вызывало негодование беззащитной, слабой женщины.

– Ты оглох, что ли? Или я непонятно говорю?

Королёва встала с дивана и, прикрывая свою наготу одеялом и грозно размахивая сжатым кулачком, решила напомнить Агапкину о своём превосходстве.

– Если я хотя бы какой косо́й взгляд увижу в свою сторону, Агапкин, ты вообще пожалеешь, что с членом родился.

– Наталья Борисовна, – не глядя на неё, ответил Агапкин. – Я слышал о вас всё это, но верил. Думал, вы так только со всякими мудаками себя ведёте... Ну, что я могу вам сказать?

Он уже был одет по пояс и застёгивал на себе госпитальный китель, глядя разочарованным взглядом на медсестру.

– Я провёл потрясающую, незабываемую ночь. Почувствовал истинный вкус жизни, а теперь... Теперь я разочарован послевкусием, – сказал серьёзным тоном Агапкин.

Солдат поправил форму одежды и направился к двери. Королёва растеряно дёргалась то к нему, то к одежде в попытках что-то ответить, но слова соскакивали с языка.

– Не переживайте, – сказал спиной Агапкин, стоя на пороге. – Я никому не буду ничего рассказывать, можете спать спокойно.

На пути к своей палате он увидел храпящую Марию Васильевну в рекреации, липкие пятна и пепел на полу после

вчерашнего кутежа и санитарку, которая чётко увидела связь между ним и всем этим бардаком. От чего она злобно проигнорировала его «здрaсте».

Агапкин действительно был доволен ночью и разочарован утром, но он, с присущим ему оптимизмом, закрывал глаза на эту низкую утреннюю сцену. Тем более наступил вторник, шумы в лёгких исчезли уже в пятницу, а в субботу ему перестали давать таблетки.

Вторник был выписным днём в этом чудном заведении. Отделения пустели часа на 4, а потом, обычно после обеда, поступала новая партия. Кто-то смотрел с завистью на выписных, мечтая как можно скорее свалить из этой паутины ничего-не-делания. Кто-то изо всех сил старался задержаться в этом уютном гнёздышке блядства.

Мария Васильевна и Наталья Борисовна сдали дежурство после завтрака и уехали домой. Больше они не встретятся ни с Кузнецовым, ни со Степановым, ни с Агапкиным. Хотя вероятность снова заболеть не так уж и мала. Но у них было на этот счёт своё женское чутью, и оно не обманывало. Мария ни капельки не жалела об этом, скорее даже наоборот. А вот Королёва неоднократно возвращалась к тёплой мысли о возобновившемся бронхите Агапкина, или вовсе не долеченном, который перерастёт в пневмонию, что означало бы минимум 21 день госпитализации. Сколько бы тогда она могла послушать его мудрых речей, и сколько бы было бессонных ночей. Она конечно бы извинилась за своё пове-

дение, и он бы всё понял. Думая обо всём этом, Королёва чувствовала себя всё моложе и моложе.

Тем временем в медпункте одной из ближайших войсковых частей набралось шестеро солдат, нуждающихся во флюорографии, по мнению тамошнего, фельдшера. Ещё через час они выехали в поликлинику, затем, отстояв очередь и, прождав в ожидании снимков ещё два часа, двоих из этой компании госпитализировали. Им повторно сделали флюшку в стенах госпиталя и направили в приёмный покой с предварительными диагнозами: острый бронхит и острая левосторонняя пневмония. А ведь у солдатиков просто болели головки и горели щёчки, но, тем не менее, миновав приёмный покой они уже переодетыми отправились в пульмонологию, куда прибыли во время тихого часа, чем очень потревожили своих соседей по палатам. Сами же солдатики тревожились лишь о том, будет ли у них обед, или им светит только ужин. Буфетчица сразу разрушила их надежде, и они голодный отправились в свои палаты.

Один лежал в третьей, где все койки были заняты коллегами по бронхиту. Второй лежал в четвёртой, где был лишь один пневмонический постоялец. Одному было приятно отвлечься от службы, а второй рвался назад в роту. Один сразу заметил шкаф с книгами и пошёл выбирать себе новый мир, а второй, увидев телек, потешил себя мыслью, что будет не так уж скучно. Оба были рядовыми, но один был Сосов, а второй Шишкин. И, даже исходя из их фамилий, можно с

уверенностью заявить – судьба у них совсем разная.

Сосову досталась самая плохая койка, расположенная сразу у двери в палату справа у стен. «Все будут сидеть на ней» – первая мысль, возникшая у него. С соседями ему тоже не слишком повезло, но пока он этого не знал. Но по позе спящего напротив он сразу заключил, что это редкостный мудака. И как оказалось, заключение было справедливым. Мудака звали Джамбулат Алиев, но все его звали по имени, так как в палате были ещё Джамбулатов и Ямбулатов. Они олицетворяли святую троицу – Джамбик, Джамбу и Ямбу. Помимо них в палате ещё лежали Максимов и Гусев. Каждый из обитателей третьей палаты заслуживает внимания, но даже если капать не слишком глубоко, можно многое узнать.

Максимов – 25-ти летний рядовой, проводивший почти всю свою службу в разных отделениях этого госпиталя. По одной его походке уже сразу было понятно – либо он до трёх лет голову не держал, либо он употребляет с трёх лет. Нет, вовсе не с трёх. Максимов свой путь наркомана начал в 14 лет, и в 23 года струпья на коже образумили его и направили на путь истинный. И к 24 годам он смог исключить из своего рациона даже марихуану, оставив для досуга лишь сигареты и алкоголь.

Гусев – типичный пацан из пригорода: А.С.А.В.; брат за брата; больше стаффа-меньше табака; твоя вишнёвая девятка; чёрный пистолет; заваренные дифференциалы; пиво и семечки в подъезде. В общем, он нашёл язык с Максимовым.

Джамбулатов и Ямбулатов были порядочными мусульманами в том смысле, что 3 раза в день совершали намаз. Они особо не разговаривали и ничем интересным не занимались. Только весь день без остановки говорили по телефонам на родном языке, делая это зачастую чересчур экспрессивно.

Алиев не выполнял намаз, но всякий раз при случае указывал на ошибки своих религиозных коллег. Само собой со своим уставом в чужой монастырь его не пускали, и между троицей постоянно возникали споры, но без особой агрессии. В остальном Джамбик был таким же приставучим, мягко говоря. Входя в палату, он всякий раз заявлял: «Напердели тут, суки», смотрел на Сосова и прыгал плашмя на свою кровать. Все его движения были омерзительно резкими.

У Шишкина единственным соседом был молчаливый Артамонов с заспанным, измятым лицом. Ему оставалось 10 недель до дома. Половину этого времени он намеревался провести в госпитале. Он постоянно сидел в мобиле, и её никто не пытался отобрать, так как он просто игнорировал подобные просьбы и приказы медсестёр. Единственное, что могло бы его как-то простимулировать, это крепкая зуботычина, но армия уже не та, и ради такой ерунды никто не станет марать руки. А отправить на гауптвахту медсестры не в состоянии.

И вот первый день Сосова и Шишкина в пульмонологии. После тихого часа все расселись в рекреации смотреть телевизор, а Сосов уселся читать Ирвини Шоу, найденного ещё

на тихом часу. Телевизор мешал читать, и Сосов пошёл в палату, где Гусев читал Сталкера, Максимов сидел в телефоне, остальных не было.

– Фу! – с порога воскликнул, вошедший Алиев. – Напередели, пидорасы! – он глянул на Сосова. – Дышать невозможно, открой форточку, – сказал он Гусеву и бросился плашмя на свою койку.

Гусев открыл форточку, и снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь скрипом кровати Алиева. Чуть позже вернулись Джамбу и Ямбу и тоже засели в телефоны. Алиев несколько раз выходил и возвращался. Казалось, он это делал ради двух вещей: возмутиться запахом и плюхнуться в кровать.

Построение на ужин, ужин, телек, построение на раздачу молока, телек, отбой. Сосов привыкал к распорядку дня и нашёл человека для расспросов. Это был рядовой Молчанов:

– Всегда дают молоко вечером? – спросил Сосов.

– Да, каждый день в восемь.

– И на ужин всегда пюре?

– Да. А после сон-часа ещё и сок дают. Сегодня почему-то не давали, а так дают. Иногда даже с печеньем или булочкой.

– Просто песня.

– Ты ещё завтраков не ел, – дразня и улыбаясь, сказал Молчанов.

– А что там?

– Увидишь, – многообещающе сказал Молчанов.

Семь утра. Дежурной медсестрой в эту ночь была казашка Света Марлиева, поэтому именно её голос поднимал отдохнувшие мужские тела.

– Мальчики подъём. Артамонов, иди дневаль.

Дневальных каждый день назначали семерых. Они дежурили, сидя у входной двери по два часа. Тот, кто заступал в 19:00 дежурил всего час, потом тумбочка пустела до следующего утра.

Артамонов лениво поднялся из кровати и, не заправляя её и не одеваясь, в одной нателке и с мобилой в руке уселся на место несения службы, закинув ногу на ногу.

Завтрак поразил воображение Сосова потому, что там был джем и творог. Порции были, конечно, не большими, но с Сосовым поделился парень, сидящий напротив. Его звали Городнищев – худой, даже тощий, в очках, с запуганным взглядом и медленными движениями.

После завтрака Сосов уселся в рекреации и продолжал читать про молодую «журналистку» и не молодого голливудского продюсера. «Зачем я это читаю? – думал он. – Ясно же, они переспят где-то на середине книги или на двух третях, и потом автор будет это размусоливать».

– Сосов! – позвал голос медсестры. Это была тётя Люба, сменившая казашку.

– Я! – отозвался солдат.

– Это ты Сосов? – спросила тётя Люба, подойдя к нему.

– Так точно, – по привычке ответил он.

– Почему таблетки не выпил?

– Забыл.

– Так иди, пей. И не забывай больше.

Сосов подошёл к посту и засыпал сразу в рот из баночки со своей фамилией 7 круглишков и шариков. Он проглотил их, запив слюной – редкое и ценное умение для пациентов лечебных учреждений. Сосов вернулся в рекреацию, сел в «своё» кресло, раскрыл книгу и вдруг заметил, что на диване напротив тоже кто-то сидит. Это был тот самый Городнищев. Он как-то умудрился слиться с интерьером со своей маленькой, синей книжечкой, в которой Сосов узнал Новый Завет. Сам Сосов с интересом относился ко всем религиозным направлениям, но ни к одному себя не причислял. Он считал себя человеком религиозным, но не верующим и считал, что достаточно хорошо знает эту маленькую, синюю книжечку и даже чёрную, толстенькую более менее.

Сосов не решался заговорить о Новом Завете, вдруг Городнищев окажется через чур чувствительным и обидится на какую-нибудь мелочь. Поэтому каждый молча читал своё, пока в коридоре не началась возня. Это солдаты выходили на перекур.

– По-братски, есть сига у кого?

– От души.

– Займи наликом, я тебе переведу.

– Дай тэху до обеда.

– Агапкин-то всё-таки трахнул её.

– 45 тысяч надо. Думаешь, мне их кто-то займёт?

– Сколько берём?

– Три? Давай четыре.

– У контрабасов спроси.

– Кузнецов – лошара.

– На завтрак говно, на обед говно, на ужин говно.

– Устроили тут клуб читателей.

– Видать, в пятницу выпишут.

– Этот кретин мимо тазика мне тапки все заблевал.

Городнищев тоже пошёл курить, и, когда воцарилась тишина, Сосов продолжил своё чтение, увлекательность которого по десятибалльной шкале еле-еле касалась пятёрки.

– Читаешь? – спросил Шишкин, бесшумно появившийся за спиной.

– Читаю.

Шишкин подошёл к телеку. Под ним висело расписание его работы: по будням с 16 до 20, по выходным и праздничным с 7 до 20.

– С 16 что ли можно только смотреть? – спросил Шишкин неведомо кого. – А если сейчас включить, что будет?

Он огляделся по сторонам, ответов не было. Шишкин не стал включать телек и вовсе не потому, что боялся нарушить внутренний порядок, а больше из-за сомнамбулического и безынициативного состояния, в котором пребывает большинство военнослужащих. Он сел на второе кресло и изучающе смотрел по сторонам, поглаживая подлокотник.

– Чего читаешь?

– Да, просто книжку. Ничего интересного.

– Интересная?

– Ничего такая.

– Тоже думаю, почитать может чего.

– Так почитай.

– Да не, пока не хочется, – взгляд Шишкина упёрся в чёрный квадрат телевизора. – А что там вообще есть интересного почитать?

– Я особо не смотрел, но выбор есть. Можно найти что-то.

Разговор прекратился, Сосов продолжил погружаться в атмосферу Каннского фестиваля, а Шишкин в бездну чёрного экрана. Это длилось до тех пор, пока не вернулись курильщики. Шишкин встал и пошёл валяться в своей койке, и на его место сел Городнищев, бросив на Сосова осторожный взгляд из-под бровей. Остальные бойцы, продолжая свои разговоры, рассосались по палатам.

– Как же так? – улыбаясь, спросил Сосов у Городнищевого. – Читаешь такую книгу и куришь?

Городнищев убрал книгу от глаз, заулыбался и стал гладить свою стриженую голову, но ничего не сказал.

– Или ты ещё не принял господу в сердце своё? – всё так же улыбался Сосов.

– Да, нет, почему? – ответил Городнищев.

– А как же так вышло? Такая книга и такая привычка.

– Да... Книга книг.

– Зато ты с ближним делишься, – сказал Сосов, имея в виду завтрак.

– Да, видишь, стараюсь, как могу.

– Но не всё ещё получается?

– Типо того. На самом деле давно хочу бросить, – глядя серьёзно в пол, сказал Городнищев. Он вообще особо не смотрел в глаза своему собеседнику. Сосов же действовал с точностью наоборот.

– Будет реальная мотивация – бросишь.

– А ты бросил? – спросил Городнищев.

– Хер его знает. Может да, может нет. Вот 4 месяца не курю уже. А до этого бывало и полгода сигареты в руки не брал. Но надеюсь на этот раз всё серьёзно.

– И какая у тебя мотивация?

– Я всё понял, – улыбнулся Сосов и поймал растерянный взгляд Городнищева.

– В смысле? – спросил Городнищев, соскочив с глаз Сосова на Новый Завет.

– В прямом. Вот ты знаешь, что курение это вредно? Это тратит твоё здоровье, время, деньги. Это мусор на тротуаре, вонючие руки и запах изо рта. Ты знал это?

– Ну да, – усмехнулся солдат и снова стал натирать свою бритую голову.

– Тогда не понимаю, что тебе мешает бросить. Нет, понимаю, конечно. Я ведь и сам неоднократно начинал заново. Потому что переставал верить во всё это. Думал: «Да ладно,

60 ли, 70 ли, 80 лет жить. Какая разница? Да и деньги надо на что-то тратить. Ведь сигареты – это приятная мелочь. То, что скрашивает безделье и помогает начать разговор, завести новых друзей. Это, честно говоря, единственный положительный аспект курения – коммуникативный. Но смотри, о чудо! я смог заговорить с тобой и без сигареты. Просто очень сложно принять весь вред курения, принять веру в него. Ты можешь знать, но не верить. Или верить, но не знать. Первое всегда ищет причины к отрицанию, а второе к подтверждению. Короче, не кури. Просто не делай этого.

– Не просто это.

– Да, я знаю, но это способ доказать свою внутреннюю силу. Вряд ли ты себя за слабака принимаешь.

– То есть если я курю, то я – слабак?

– Не, не совсем. Если ты куришь и хочешь бросить, но всё никак не получается – то ты слабак, тряпка. А если ты куришь и даже не планируешь бросить это своё утешительное занятие – всё чётко, всё бьёт, намерения и действия совпадают, ты – мужик.

Городнищев не знал, что сказать, и просто посмеялся в ответ. Их дискуссию прервал Алиев, прыгнувший через спинку дивана и упавший на пол с хрюкающим смешком. Потом резко вскочил и так же резко улыбку сменил на хмурость.

– Что смотришь? – наехал он на Городнищева.

– Ничего.

– Если что-то не нравится, можем отойти поговорить, –

продолжал Алиев.

– Да нет, всё нормально, – сказал Городнищев, вставая, и трусливой походкой сбежал с поля боя.

– А ты что? – наехал Алиев уже на Сосова.

– А я читаю.

– В книгу тогда и смотри.

– А я читаю тебя.

– Чо?

– Простые предложения, глагольная рифма, масса грамматических ошибок, жаргонизмы и выдуманные слова.

– Ебанутый?

– Нет, я – Сосов. Твой сосед.

– Как? Сосов? – засмеялся Алиев. – Откуда ты?

– С Ульяновска.

– Далеко от сюда?

– Не очень.

– Тяжеловато, наверное, с такой фамилией?

– Обычно.

– Ну-ну. Чего читаешь?

– Херню всякую.

– Интересно?

– Не знаю, мало ещё прочитал.

– Расскажешь тогда потом, – сказал Алиев и, перепрыгнув через диван обратно, исчез за дверью палаты, откуда через мгновение раздался скрип и треск койки от падения на неё молодого, энергичного тела.

Сосову совсем не хотелось с кем-то знакомиться и общаться. Ему было конечно приятно провести время за короткой беседой с Городнищевым, но он не хотел вступать ни с кем в приятельски-дружеские отношения. Так как в таком случае он бы сам на себя возложил ответственность за этого человека. В том плане, что друзьям ведь надо помогать и защищать их, а этого он делать не планировал, как и вступать в конфликт со своей совестью. Поэтому ещё с начала службы он дал себе установку – держаться от людей на расстоянии и не давать в обиду себя, а остальные пускай справляются сами в меру своих сил. Он, конечно, понимал, что такая жизненная позиция не очень красивая и правильная в его же понимании, но закрывал на это глаза и не рассуждал на тему соответствия своих взглядов на жизнь и своего поведения.

Затем был обед, в результате которого Сосов стал счастливым обладателем четырёх яблок. И в тихий час он лежал, читая книгу и жуя эти румяные шарообразные фрукты. Алиев зашёл в палату и как всегда:

– Напердели здесь, ублюдки, воняет, – посмотрел на Сосова и добавил. – Ещё и ты здесь со своими яблоками.

– Тебе не нравится запах яблок? – спросил Сосов.

– Какой-то он, – Алиев подбирал слова. – Неестественный. Может это из-за... того что они... были в твоей... ротовой полости.

В конце этой фразы в его глазах отчётливо блеснуло признания себя дегенератом, но сразу же вслед за ней он прыг-

нул на свою койку.

До ужина Сосов читал книгу в палате. Вокруг что-то происходило, абсолютно серое и не интересное, по мнению Сосова, но не по мнению принимающих в этом участие. Максимов и Гусев обсуждали наркотики, затем к ним присоединился Алиев, и они переменяли тему на шаверму. Алиев сходил к контрактникам и узнал номер такси. Ближе к ужину троица уже обжиралась шавермой, запивая её колой и обильно рыгая. Джаму и Ямбу не было. Они смотрели телек, как и почти все остальные пациенты. Рекреация была забита. Мест не хватало, поэтому кто-то лежал на ковре, кто-то стоял за диваном, опираясь на спинку. И все они молча и жадно взирали на маленький экран телевизора, который был размагничен, из-за чего безжалостно искажал цвета по всему периметру.

За ужином Городнищев нарочно сел за стол к Сосову и предложил ему масло. Сосов понимал, что Городнищев хочет общения, но настроения не было.

Вечер безмолвно сменился на ночь, а затем и вовсе мутировал в утро, и Сосов открыл для себя голос Марии Васильевны, заступившей на этот день.

– Подъём, мужчины! – властно и бодро призывала Мария Васильевна. – Строимся.

Солдаты неохотно и вяло выползали из своих палат.

– Почему вы без кителя? – спросила Мария Васильевна у Сосова и обратилась так же к остальным, стоящим только

в нателке. – Идите, одевайте. Мы подождём. А где вообще Артамонов, он же ещё не выписался? Кто его сосед? Иди, зови его.

Мария подождала, пока все вернутся в строй, и продолжила:

– Подрассосало вас тут, я смотрю. По порядку рассчитайсь.

Первый, второй, третий... семнадцатый, расчёт окончен.

– Равняйсь! Смирно! – скомандовала Мария и пошла по палатам. Далеко не ушла. – Третья палата, ко мне! – раздался её голос из третьей палаты.

Солдаты вяло потянулись к дверям.

– Кровати не умеете заправлять? Это чья кровать?

– Моя, – ответил Алиев.

– Почему не заправлена?

– Она заправлена.

– Я что слепая, что ли? Почему у всех заправлена, а у тебя нет?

– Я заправлял.

– Ну и почему она тогда не заправлена?

– Да заправлена она.

– Мне ротному твоему звонить что ли? Чтобы он тебе напомнил, как кровати заправлять. Ты с какой площадки?

– С ж/д батальона.

– Ага, Нурлиев значит. Пойду, наберу.

– Не надо никому звонить.

– Заправь тогда кровать.

– Но она же заправлена.

– Ничего, мы подождём до завтрака, пока ты заправляешь.

Если не получится, то и до обеда ждать будем.

– Так, а чего ждать, если она заправлена? Вы ко мне как-то предвзято относитесь.

Алиев прекрасно понимал, что кровать заправлена плохо, но, по его мнению, этого достаточно и придирки медсестры его выбешивали и злили, но он сдерживался и не грубил. Возможно, продлись этот диалог ещё пару минут, Алиев бы забыл об остатках своей вежливости, но медсестре надоело попугайничать, и она просто вышла к строю.

– Ждём, – сказала она. – Ждём, пока третья палата заправит свои кровати.

Через несколько секунд Алиев признал своё поражение. В строю шёпотом не любили Алиева, и с каждым днём этот шёпот становился громче.

После завтрака Городнищев и Сосов заняли свои излюбленные места в рекреации.

– Читал библию? – спросил Городнищев, махнув новым заветом.

– И Библию тоже.

– Вот, читаю, – сказал Городнищев.

– Я заметил. У тебя только новый завет, там не особо интересно. Ветхий почитай, там самое месиво.

– Мне пока бы этот осилить.

– А ты всё-таки верующий?

– Ну, как сказать, – отвечал Городнищев. – Сложно сказать. Скорее, хочу им стать... Хочу поверить, вот и читаю.

– Хочешь – верь, хочешь – не верь. Зачем читать?

– А как тогда? Тут, к тому же, много мыслей интересных есть.

– Какие, например?

– Ну, я так не могу сразу сказать...

– Зато я могу тебе сказать. «Ибо не мир я пришёл нести, но меч, чтобы разделить сына и отца, дочь и мать...» и тому подобное, а в конце – «...ибо враг человека – его домашние». Что ты об этом думаешь?

– Не знаю, надо в контексте смотреть.

– Поищи. Главы не помню. Девятая, десятая или вообще двадцать первая. Не важно. Смысл то прост – надо самостоятельным быть. Хватит за папиными штанами прятаться и за юбкой маминой. Находясь в комфорте, ты чувствуешь себя хорошо, тебя кормят, одевают, слова плохого не скажут. А ведь ты вырастешь, и жизнь уже требует от тебя соответствующих действий и поведения, а ты только и знаешь что свой домашний очаг. Родные это, конечно, хорошо, но человек рождается, чтобы создать новую семью, а не пытаться обессмертить ту, в которой родился.

Сосов так просто высказывал свои мысли, что у него рот наполнялся слюной от удовольствия. В лице Городнищева он видел идеальные уши, всегда открытые и жаждущие ин-

формации. А сама личность Городнищева не представляла для него никакого интереса и вызывала только жалость.

– Вот ты, например, – продолжал Сосов. – Зачем в армию пошёл?

– На контракт остаться, – честно ответил Городнищев и стал смотреть в глаза Сосову, ища поддержки.

– Ты серьёзно? – усмехнулся Сосов.

– Серьёзно, – ответил Городнищев, отведя взгляд.

Сосов стал задавать банальные вопросы, а Городнищев давать банальные ответы.

– Зачем?

– Деньги?

– А другая работа?

– Найти сложно и платят мало.

– А как же свобода?

– Зато стабильность...

Когда шквал без эмоциональных вопросов и ответов прекратился, Городнищев ушёл на перекур, а Сосов остался читать всё ту же надоевшую книгу. За его спиной Мария Васильевна боролась с непослушным Алиевым.

– ...телефон я сказала!

– Какой телефон? У меня ничего нет, – строил невинность Алиев.

– Не надо дуру из меня делать, Алиев, ты меня уже достал.

– Почему же дуру? Я разве такое сказал?

Наоборот, я вас считаю очень умной.

– Хватит паясничать. Алиев, я сейчас Олегу Константиновичу скажу и всё, – говорила Мария про заведующего отделением.

Их диалог стремился продлиться вечность, но всё-таки оборвался, когда в палату вернулись с перекура. Вернулся и Городнищев с головою набитою вопросами и мыслями. Кроме Городнищева в рекреацию снова сел Шишкин. Он снова тщательно изучил расписание работы телевизора и сел наглаживать подлокотник, дёргая себя за отрастающую от лени бороду.

– Всё читаешь? – спросил Шишкин у Сосова.

– Ну да.

– Тоже, что ли, почитать? Нормальная книга?

– Не очень.

– Зачем тогда читаешь?

– Надо до конца дочитать.

– Зачем?

– Остатки сладки.

– В смысле?

– Просто... Вон, взял бы что из шкафа почитать.

– Потом гляну что-нибудь.

Подобные диалоги эмоционально опустошали Сосова и угнетали его даже в солнечные дни. А ведь, кстати говоря, был май. Его первые, праздничные числа. Но они завершились, не успев начаться, и завтра наступит будничная суббота. Медсёстры будут выходить парами на дежурство.

Засыпая, Сосов думал об упущенных праздниках, о том, как бы он провёл эти дни на гражданке. Все пять месяцев его службы слились в один большой «будень». «Рота отбой», «рота подъём» воспринимались уже как щёлканье выключателем света с промежутками, стремящимися с каждым днём к нулю. За этот период своей жизни Сосов много, даже слишком много, рассуждал о времени и о способах воздействия на него. Каждый день он мысленно толкал стрелки всех часов мира и старался внушить себе, что это именно он движет время вперёд и делает это лучше, чем все неизвестные предшественники. Эта мысль развлекала его, и помогала смириться с бездельностью существования, которую он так ненавидел.

Наступила суббота, и новенькие познакомились с тётёй Ниной и Наташей Королёвой. Каждый солдат был рад этому событию, и утро прошло бодро, с лёгкой суетой. Алиев не заправлял кровать, чтобы поспорить с Королёвой. Молчанов не шёл дневалить, чтобы поспорить с Королёвой. Половина солдат забывала выпить таблетки, чтобы... Но всем внимания не уделишь, поэтому половине досталось лишь общение с тётёй Ниной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.